

Гаврилов Лев Алексеевич

АНТИНОМИИ ЭКСПРЕССИИ И СТАНДАРТА В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЕННЫХ

Настоящая статья посвящена сопоставительному когнитивному исследованию антиномии в выражении экспрессии и стандарта в служебном и неслужебном (неформальном) общении французских военных. Отмечается, что проникновение элементов речевого стандарта, регулируемого нормами и правилами военной службы, в разговорную речь военных придаёт последней определённое стилистическое своеобразие, а антиномия стандарта и экспрессии определяет специфику разговорной речи военных. Гипотетически можно предположить, что подобная антиномия стандарта и экспрессии может быть характерна и для военнослужащих других иностранных армий, хотя в этом случае она должна будет нести на себе определённый отпечаток соответствующих языковых форм.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/2-2/28.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 102-106. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-25

Настоящая статья посвящена сопоставительному когнитивному исследованию антиномии в выражении экспрессии и стандарта в служебном и неслужебном (неформальном) общении французских военных. Отмечается, что проникновение элементов речевого стандарта, регулируемого нормами и правилами военной службы, в разговорную речь военных придаёт последней определённое стилистическое своеобразие, а антиномия стандарта и экспрессии определяет специфику разговорной речи военных. Гипотетически можно предположить, что подобная антиномия стандарта и экспрессии может быть характерна и для военнослужащих других иностранных армий, хотя в этом случае она должна будет нести на себе определённый отпечаток соответствующих языковых форм.

Ключевые слова и фразы: антиномия; лексическая синонимия; метафора; стандарт; экспрессия.

Гаврилов Лев Алексеевич, к. филол. н., профессор
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
lieutenant-en-chef@ya.ru

АНТИНОМИИ ЭКСПРЕССИИ И СТАНДАРТА В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЕННЫХ

Разговорная речь представляет собой разновидность речи, существующей в устной форме и предполагающей наличие собеседника, для которого субъект речи и говорит. Как правило, она протекает в атмосфере непринуждённости и раскованности, что способствует выражению чувств и личностных отношений. В условиях устного общения дефицит времени и быстрая реактивность лишают говорящего многих возможностей, которыми обладает человек, использующий письменную форму речи. В результате разговорная речь отличается спонтанностью и часто неподготовленностью. Всё это ограничивает возможности говорящего в использовании богатства языковых форм. Отсюда наблюдаемое упрощение синтаксиса, ограниченность и часто бедность лексического материала, появление речевых неточностей, а подчас и ошибок.

Разговорная речь характеризуется массовостью использования. По сути дела, это речь всего народа, людей всех возрастов и профессий. Она актуальна не только в быту, но и в неофициальном общении людей в различных сферах деятельности. Появляющаяся в этих условиях дифференциация разговорной речи отражает стремление человека приспособиться к определённому социальному пространству и сказывается на речевом поведении говорящего в конкретной ситуации. Наличие подобной дифференциации предполагает возможность и даже необходимость исследования разговорной речи в самых разных условиях: в семейном кругу, заводском цеху, офисе, учебном заведении, военной среде и т.д.

В нашей работе мы попытаемся исследовать стилистические особенности разговорного языка французских военных, уделив особое внимание характеру изобразительных средств, которые они используют в своей речи. При этом мы опирались не только на положения и выводы отечественных и французских учёных, не только на данные словарей, но и на произведения французской художественной литературы. Особое внимание мы уделили детальному прочтению романа «Le commandant Watrin» [12], который получил большое признание и высокую оценку, а его автор А. Лану стал лауреатом премии *Interallié* за 1956 год. Книга посвящена событиям на франко-германском фронте в 1940 году во время так называемой *drôle de guerre* (странной войны).

При стилизации разговорной речи французских военных А. Лану широко использовал эмоциональную лексику, самые разнообразные средства словесной образности и, прежде всего, тропы в сочетании с самыми разными пластами словаря, начиная с просторечия и арго и заканчивая военной терминологией. В результате обнаружилось, что язык французских военных-фронтовиков в 1940 году отличался своеобразным сочетанием экспрессии и стандарта. Стандарт характерен для определённых форм общения, регулируемых определёнными нормами и правилами, обуславливающими выбор и использование военной лексики и соответствующих грамматических конструкций. Устные приказания, команды, доклады и т.п. строились и строятся с учётом определённых требований и отличаются чёткостью, краткостью, ясностью, предельной точностью и конкретностью. Этот язык характерен, прежде всего, для служебного общения и именно поэтому насыщен не только специальной терминологией, но и большим количеством ситуационных клише, сокращений, различных реалий и прецизионных слов [4, с. 3-4].

Иногда наличие в тексте романа даже самых повседневных реалий может поставить читателя в тупик. Часто это связано с тем, что они либо вышли из употребления, либо неизвестны адресату по другим причинам. Например, мы читаем в тексте романа:

“Prends une troupe dans ta poche” dit l’adjudant major [12, p. 182]. / «Достань из моего кармана одну “Труп”», – сказал адъютант (здесь и далее перевод автора статьи – Л. Г.).

Понять из этой фразы значение слова *“une troupe”* довольно трудно. Дело в том, что такие словарные значения этого слова, как «толпа», «войсковая часть», «войско», «армия» и другие, к данному случаю не подходят. Продолжаем читать дальше:

François obéit et prit une cigarette.

“Allume-la et mets dans ta bouche” [Ibidem]. /

Франсуа без возражений сигарету достал.

«Прикури её и сунь мне в рот».

В этом контексте слово *“une troupe”* приобретает определённый смысл. Речь идёт о сигаретах, причём о сигаретах определённой марки, которые выдавались французским военным на действительной службе.

Знает ли современный читатель (француз или русский) о существовании этих сигарет, остаётся неизвестным. Ведь сегодня французская армия комплектуется не на основе всеобщей воинской повинности, а путём набора контрактников, которые вряд ли курят эти дешёвые сигареты.

Так же трудно бывает понять и слово *“popote”* [13, p. 1964]. Обычно оно имеет значения «готовка», «стряпня», а вот на языке военных означает *“table commune des officiers”*. В романе А. Лану слово *“popote”* употребляется в следующих контекстах:

1. *“Mon lieutenant, le commandant vous fait savoir qu’il y a popoté du bataillon à neuf heures trente”* [12, p. 31]. / *«Господин лейтенант, командир батальона передаёт, что общий ужин офицеров батальона состоится в девять тридцать».*

2. *On est déjà venu du bataillon vous réclamer à la popote* [Ibidem, p. 34]. / *Из батальона приходили. Вам надо явиться на общий ужин офицеров.*

Анализ этих контекстов приводит нас лишь к поверхностному пониманию содержания этой реалии, но не позволяет составить о ней более полное представление.

Также к стандарту следует относить и определённые речевые формулы, предусмотренные уставными документами и, как правило, лишённые эмоциональной составляющей. Проиллюстрируем это положение двумя примерами. В первом отображены действия солдата в карауле:

- *Qui va là? dit l’ombre.*
- *C’est moi, lieutenant Soubeirac.*
- *Ah! C’est vous, mon lieutenant* [Ibidem, p. 94]. /
- *Кто идёт? – спросила тень.*
- *Я, лейтенант Суберак.*
- *Да, господин лейтенант.*

Во втором примере стандарт проявляется в характере представления сержанта старшему по званию:

Le sergent se presenta:

Sergent Lamoureux, première compagnie, troisième section [Ibidem, p. 98]. /

Сержант представился:

- *Сержант Ламурэ, первая рота, третий взвод.*

В отличие от функции стандарта функцию экспрессии выполняют различные изобразительные средства французского языка, которые обычно используются для описания или субъективной оценки.

Очень часто в индивидуальной коммуникации французских военных произносятся просторечные и арготические слова, в основе которых лежит сравнение:

“L’a quand même l’air d’un sauret, not’ commandant” [Ibidem, p. 22]. / *«Вид у нашего комбата, однако, как у копчёной селедки».*

Если убрать из этой реплики просторечный оттенок, который характеризует речь персонажа, то «в переводе» на обычную разговорно-фамильярную речь мы получим: *“Il a quand même l’air d’un hareng saur, notre commandant”*. В нашем «переводе» просторечное *“sauret”* заменено на нормативное *“hareng saur”* («копчёная селедка»).

Сравнение характерно и для речи других персонажей романа:

“Tu parles comme Radio-Stuttgart” dit Soubeirac. Medico fourra son poing sous le nez du jeune lieutenant.

“Et celui, tu sais comment il parle? Il parle comme les gars de Teruel qui faisaient sauter les chars boches avec les bouteilles d’essence, les cocktails Molotov!”

Il était rouge de fureur.

“Nous sommes trahis” dit-il encore [Ibidem, p. 184]. /

«Ты говоришь, как по радио из Штутгарта», – сказал Суберак. В ответ Медико сунул кулак под нос юному лейтенанту.

«Ты знаешь, как говорит мой кулак? Он говорит так же, как наши ребята под Теруэлем, когда они подрывали немецкие танки коктейлями Молотова, бутылками с бензином».

От негодования он весь покраснел, а потом сказал: «Нас предали».

В этом отрывке несколько сравнений. Отметим два. Во-первых, сравнение того, что говорит Медико, с тем, что передаёт немецкая радиостанция из Штутгарта, и, во-вторых, сравнение кулака с действиями республиканцев под Теруэлем.

В разговорной речи французских военных метафора реализует коммуникативную, номинативную, объяснительную, воздействующую и другие функции. Активность метафорических средств определяется, прежде всего, «ассоциативностью конкретного мышления и особенностью выражения мыслей, чувств и переживаний» [6, с. 48]. В качестве метафор широко используются наиболее близкие коммуникантам понятия и предметы из ближнего окружения. В устной речи военных это связано с появлением метафорических выражений, относящихся к их повседневному быту и боевым действиям [8, с. 15]. Подобное сближение показывает, что именно «во внешнем мире привлекает внимание человека и в каких образах рисуется ему то, что ум его не может постичь в чисто абстрактной форме» [2, с. 221]. В результате абстрактная форма уступает место метафорическому иносказанию. У французских военных это выражалось и выражается в том, что *pistolet-mitrailleur* (пистолет-пулемёт) получает наименование *“arroseuse” f* (букв. «поливальная установка») или *“moulinette” f* (букв. «овощерезка», «кофемолка», «блендер» и т.п.), а диск для ручного пулемёта или автомата называют *“samembert”*. Во время Первой мировой войны заимствованное из немецкого языка слово *“shrapnel”* французские и русские солдаты стали использовать в переносном значении. Причём русские военные называли шрапнелью перловую кашу, а французские – варёные бобы [9, с. 71]. Также с помощью

метафоры “obus” («снаряд») называют “chaudron” («котелок», «чан»), а уязвимый участок в боевом порядке – “le point sensible” (букв. «болевая точка»).

Очень часто в речи французских военных можно обнаружить просторечные и арготические выражения, в которых неодушевлённым предметам приписываются свойства и признаки одушевлённых. Например, смысл распространённого среди военных выражения “étouffer la négresse” – «выпить бутылку красного вина», а не «задушить негритянку»; аналогично “casser le cou à la bouteille” – не «свернуть шею бутылке», а её распить. Иногда метафоры используются для того, чтобы некоторые части человеческого организма называть словами, которые не имеют ничего общего с анатомией человека:

J'ai les pieds qui me rendent dans les jambes, les jambes dans les genoux, les genoux dans les cuisses, les cuisses dans l'buffet et l'buffet dans la cafetière! J'ai la rate qui se dilate, j'ai le foie qu'est en bois... Enfin, quoi, c'est pas marrant [12, p. 12]! / Ступни давят на ноги, ноги на колени, колени на ляжки, ляжки на брюхо, брюхо на башку. Селезёнка расширяется. Печень как деревянная. В общем, не до смеха!

В этом отрывке метафора “buffet” («буфет») используется со значением «живот», “cafetière” («кофеварка») – со значением «голова», “foie en bois” имеет значение «деревянная, одеревеневшая печень», а выражение “la rate qui se dilate” имеет двойной смысл: прямой – «селезёнка расширяется», переносный – «селезёнка заставляет смеяться до колик».

В «Новом французско-русском словаре» В. Г. Гака и К. А. Ганшиной [7, с. 824] выражение “pisser le sang” означает «мочиться кровью». В предлагаемом ниже диалоге похожее выражение имеет иной смысл:

– *J'ai un blessé, toubib.*
 – *Qu'est-ce qu'il a?*
 – *Deux blessures légères à l'épaule et à la main et un éclat d'obus à la cuisse. Large comme ma main. On voit l'os. Et ça pissait le sang. J'ai fait un garrot [12, p. 174]. /*

– *У меня раненый, док.*
 – *Что с ним?*
 – *Два лёгких ранения в плечо и в руку и ещё осколок угодил в бедро. Рана с ладонь, видна кость, сильно кровоточила. Я наложил жгут.*

В этом диалоге слова “Et ça pissait le sang. J'ai fait un garrot” можно перевести: «Рана сильно кровоточила. Я наложил жгут». Отметим также и другие выражения с глаголом *pisser* в переносном значении:

Il pleut comme vache qui pisse (à verse) [13, p. 1912]. / Льёт как из ведра.

Son nez pisse le sang [Ibidem]. / У него кровоточит нос.

Во всех этих случаях глагол *pisser* оказывается достаточно экспрессивным. Подобное использование лексической синонимии позволяет придать тексту большую выразительность. Не случайна в этой связи замена обычного нейтрального слова на арготизм:

“On fait des bifteques et des frites?” demanda le caporal. “Ça vaudrait mieux que du singe” [12, p. 29]. / «Давайте приготовим бифштексы с жареной картошкой, – предложил капрал, – консервы уж так надоели».

Последнюю фразу нельзя переводить «Это лучше, чем обезьянина (мясо обезьяны)». На самом деле в данном случае “singe” употребляется в значении «консервы», которые слишком часто оказывались в «меню» личного состава на передовой. Отметим также, что использованный арготизм оказался на порядок более выразительным.

Следует подчеркнуть, что в большинстве случаев арготическая лексика, используемая в речи персонажей романа А. Лану, не относится к неологизмам. Это скорее традиционные и в определённой степени архаичные арготизмы, к которым прибегали французские военные практически всегда. В условиях неформального общения с товарищами по учёбе в *Ecole Polytechnique* будущие военные инженеры использовали принятые среди своих обороты речи:

“J'ai colle de méca demain et je serai zérole si je suis vanné; j'ai encore la triple chiée à voir” / «Завтра я сдаю сопронат и завалюсь, если буду смурной. А мне ещё три здоровых куса проштудировать надо».

Комментируя эти слова, Ш. Балли особо подчёркивал, что тот, кто их произнёс, постеснялся бы объясняться подобным образом со своими преподавателями или родителями [2, с. 278].

Отметим также, что если в ходе Первой мировой войны образовался значительный слой военной лексики, в том числе и арготической, которая обладала значительной метафоричностью [3], то во время Второй мировой войны новых слов и выражений появилось немного. Среди них такие относящиеся к арго слова, как *riflette* (f), *casse-pipe* (m), *baroud* (m), а также слова, которыми презрительно называли немецких военных: “Fritz”, “Fridolin”, “Chleu” etc [11, p. 7].

Сегодня к арго относят заимствованные из арабского “toubib”, которое первоначально обозначало «военный врач», а сегодня – «врач»; “singe” – «начальник»; “blindé comme un char” – «пьян до бесчувствия»; “déculotter” – «заставить кого-либо дать нужные показания (в том числе военнопленного)» [6, с. 97] и др.

В 1939-1940 гг. на фронте оказались представители практически всех провинций Франции. Их манеру говорить часто подчёркивало просторечное, то есть неполное, небрежное, произнесение звуков, которое отличается от нормативного либо тем, что «пренебрегают смыслоразличительными (а стало быть существенными в экспликативном плане) противоположениями звуков, либо тем, что обнаруживают эти противоположения там, где они неизвестны произношению других групп» [10, с. 29]. Например:

Ch'est pas dmain la veille, ch'est mi qui vous l'dit [12, p. 11]. В норме это выражение могло бы выглядеть так:

Ce n'est pas demain la veille. C'est moi qui vous le dit. / Это будет не скоро, поверьте мне. Образность этого просторечного выражения усиливается своеобразием диалектного произношения. Также диалектным произношением и просторечной манерой выражать свои мысли и чувства отличаются и следующие два отрывка:

1. *“Z'auront l'graisse, mais z'auront pas l'peau, min lieutenant” [Ibidem, p. 21]. / «Жирком ограничатся, господин лейтенант, а шкуру им с меня не содрать».*

2. *“On aura ta peau, Philet” dit Soubeirac. “La graisse, répondit Philet, pas la peau”* [Ibidem, p. 131]. / *«С тебя шкуру содерут», – сказал Суберак. «Жирок растрясут и всё. А шкуру им не содрать», – ответил Филе.*

На языке индивидуального, неслужебного общения фронтовиков сказывалось то обстоятельство, что его участники были носителями различных социальных, профессиональных и территориальных диалектных различий. Это представители города и сельской местности, фермеры и учителя, продавцы и рабочие, чиновники и медики. Отметим в этой связи, что если активное использование военной лексики способствовало эффективности коммуникации, то устная речь, насыщенная просторечными элементами разного происхождения, в ряде случаев просто коммуникацию затрудняла. Однако это обстоятельство не ограничивало использование её элементов в живой речи военных. От этой лексики трудно отказаться, она привычна, а главное – она более выразительна.

В боевых условиях, когда нервы участников войны оказываются напряжены до предела, выразительность речи часто приобретает откровенно грубый характер, в речи появляются дисфемизмы. Под дисфемизмом обычно подразумевают троп, состоящий в замене естественного в данном контексте обозначения какого-либо предмета более вульгарным, излишне фамильярным или грубым [1, с. 177]. Использование дисфемизмов связано, прежде всего, с употреблением в качестве изобразительных средств грубой, неприличной, вульгарной лексики, воздействие которой на собеседника может носить шокирующий или даже оскорбительный характер. Следующий пример об этом свидетельствует достаточно убедительно:

“Crapule! Front d’viau! Nez d’bô! Indouille! Attends-moi, mon goret! Mi, j’vais t’faire raviser! Feignint!” [12, p. 161]. / *«Подлец! Телячья морда! Бычий нос! Болван! Подожди у меня, поросёнок! Я тебе, дармоед, припомню!»*

Все эти грубые и бранные слова отличает ещё и диалектное произношение: *viau* вместо *veau*, *bô* вместо *boeuf*, *indouille* вместо *andouille*, *feignint* вместо *feignant* – и обращены они к убегающему немецкому солдату, который вряд ли понимает то, что кричат ему вдогонку. Другое дело, когда оскорбительные слова обращены к собеседнику, который всё понимает и принимает это близко к сердцу. Так, метафорическое иносказание, связанное с заменой существительного “*bouche*” на вульгарное “*bec*” или “*gueule*”, может быть неприятно воспринято собеседником. Например, использование выражения “*Ta gueule*” может свидетельствовать о бесцеремонности и даже агрессивности собеседника. Не менее грубы и другие бранные слова (*âne*, *animal*, *brute*, *cochon*, *vendu*, *goujat* etc.), используемые как элементы речевой агрессии [5, с. 182-190]. Тем не менее в ряде случаев не слова и выражения, а неприемлемые для адресата высказанные вслух мысли могут задеть за живое и оскорбить сильнее, чем любые дисфемизмы.

Захвачены в плен немецкие солдаты. Один из них говорит по-немецки французским офицерам:

“Ce n’est pas nous qui sommes prisonniers. C’est vous. Nos camarades vont venir nous chercher”.

Soubeirac traduisit.

Le commandant devint écarlate. Le prisonnier reprit dans un sabir éloquent:

“France kapute. Foutue la France. Une division blindée, demain attaque. Morgen. Paris dans deux jours. Heil Hitler!”

Watrin serrait la crosse de son revolver. Il cria:

“Bras en l’air! Tourne-toi! Tournez-vous tous! Le nez contre le mur!” [12, p. 187]. /

«Это не мы пленные, а вы. Наши товарищи за нами придут».

Суберак перевел. Комбат весь побагровел, а пленный продолжил с пафосом на ломаном французском:

«Франс капут. Проклята. Танковая дивизия завтра атака. Morgen. Париж капут. Через два дня. Хайль Гитлер!»

Ватрен сжал рукоятку револьвера и закричал: «Руки вверх! Повернись! Все повернитесь! Носом к стене!»

Комбат Ватрен был так оскорблён, что был готов расстрелять нахального немца, но вовремя взял себя в руки.

Как отмечает в своём романе А. Лану, в условиях официального, служебного общения не поощряется использование дисфемизмов, особенно просторечного или даже арготического происхождения. Общение подчиняется требованиям строгой субординации. Неоправданное использование дисфемизмов, агрессивное речевое поведение особенно по отношению к старшим по званию и должности пресекается. К нарушителям применяются жёсткие меры дисциплинарного характера, в вызывающем поведении подчинённых часто видят *rébellion* (бунт). В романе А. Лану описывается реальный случай, когда несдержанный на язык солдат, словесно оскорбивший командира полка, был арестован, отдан под суд военного трибунала и расстрелян буквально за пару недель до капитуляции французской армии.

Вместе с тем использование агрессивной лексики и фразеологии в неофициальной обстановке в компании друзей часто не имеет отрицательных последствий. Сама обстановка часто ориентирует собеседников на непринуждённость, фамильярное, а иногда и просторечное оформление речи. В романе А. Лану очень тонко подмечено, что в общении друзей во фронтовых условиях даже самая «отпетая» агрессивная лексика далеко не всегда оскорбляет. В качестве примера рассмотрим следующий обмен репликами:

– *Dis-donc, Soubeirac, mes félicitations.*

– *Ta gueule, dit Soubeirac, tendrement.*

– *En tout cas, ça s’arrose* [Ibidem, p. 131]. /

– *Надо же, Суберак, прими мои поздравления.*

– *Заткнись, – добродушно ответил Суберак.*

– *Во всяком случае, это надо обмыть.*

В этом диалоге прозвучавшее “*Ta gueule*”, видимо, не оскорбляет собеседника, тем более что это выражение было произнесено *tendrement*, которое, на наш взгляд, стоило бы перевести не «нежно»,

а «добродушно». К тому же и собеседник не чувствует себя оскорблённым и даже предлагает «обмыть» новое назначение товарища (“ça s’agitose”).

В заключение отметим следующее.

На разговорную речь французских военных влияет целый ряд антиномий. С одной стороны, неофициальное общение товарищей по оружию часто протекает в доверительной и откровенной обстановке, которая способствует появлению в речи метафорических выражений самого разного происхождения, в том числе арготического и просторечного. С другой стороны, на разговорную речь военных влияет язык официального общения на военные темы, язык военной службы, который придаёт разговорной речи определённую стандартность и точность в выражении мыслей, но исключает субъективно-оценочные элементы. Именно такая антиномия стандарта и экспрессии отличает разговорную речь военных от разговорной речи в других социальных пространствах.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. М.: УРСС, 2001. 392 с.
3. Биязи Н. Н. Словарь французского военного аргю. М.: ВИИЯ, 1944. 163 с.
4. Гаврилов Л. А. Военный перевод французского языка: учебное пособие. М.: Военный университет, 2002. 404 с.
5. Гаврилов Л. А. Сборник упражнений по двустороннему переводу. М.: ВИИЯ, 1966. 234 с.
6. Гаврилов Л. А. Стилистика французского языка: учебное пособие. М.: Военный университет, 2004. 196 с.
7. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1993. 1194 с.
8. Зарипов Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе: монография. М.: Р.Валент, 2016. 220 с.
9. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология. М.: УРСС, 2003. 280 с.
10. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 372 с.
11. Vauche H. Le langage populaire. P.: Payot, 1951. 232 p.
12. Lanoux A. Le commandant Watrin. P.: Le livre de poche, 1968. 438 p.
13. Le Petit Robert. P.: Le Robert, 2011. 2837 p.

ANTINOMIES OF EXPRESSION AND STANDARD IN THE FRENCH MILITARY MEN'S SPEECH

Gavrilov Lev Alekseevich, Ph. D. in Philology, Professor

Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow
lieutenant-en-chef@ya.ru

This article is devoted to the comparative cognitive study of the antinomy of expression and standard in the French military men's official and unofficial (informal) communication. It is noted that the penetration of the elements of speech standard, regulated by the norms and rules of military service, into the military men's speech gives it a certain stylistic singularity, and the antinomy of standard and expression determines the specificity of the military men's speech. Hypothetically it can be assumed that this antinomy of standard and expression may be typical of other foreign armies, although in this case it will have the characteristic imprint of certain relevant linguistic forms.

Key words and phrases: antinomy; lexical synonymy; metaphor; standard; expression.

УДК 81'342

Статья посвящена различиям в восприятии речи на языках синтетического и аналитического строя. Для языков синтетического строя (латинский, русский, немецкий) характерно неразрывное соединение нескольких морфем (лексических, словоизменительных, словообразовательных), а также выражение грамматических отношений в пределах одной словоформы. При аудировании речи на языке этого строя мы воспринимаем последовательно одну словоформу за другой без помощи служебных слов, порядка слов и супrasegmentных элементов. Для языков аналитического строя (английский, французский) при морфологической неизменяемости слова грамматическое значение выражается служебными словами, порядком слов или соотносительностью в предложении данного слова с другими. В этом случае при аудировании мы воспринимаем слово в составе ритмической группы, равной фонетическому слову, которая может объединять несколько слов и имеет одно ударение. Эта разница в предъявлении слова реципиенту и определяет разный механизм восприятия речи при аудировании.

Ключевые слова и фразы: восприятие речи; звук; избирательность; произношение; словесное ударение; фонема.

Гаврилов Лев Алексеевич, к. филол. н., профессор

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
lieutenant-en-chef@ya.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ ЗВУКОВ ЯЗЫКОВ АНАЛИТИЧЕСКОГО И СИНТЕТИЧЕСКОГО СТРОЯ

Звук представляет собой отражение воздушных колебаний с помощью аппарата слухового рецептора и играет огромную роль в процессе ориентации живого организма во внешней среде. Именно с этим обстоятельством